

Александра
Волк

Своенравная
рабыня

18+

Александра Волк

Своенравная рабыня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63412492

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир, где женщина – это красивый и слабый цветок, а мужчина – эгоистичный садовник. Но ты – адания-шая! В тебе сила древнего народа, ты управляешь эмоциями других. Почему же на тебе рабский ошейник и запястья покрыты следами от веревки? Потому что допустила ошибку, огромную ошибку...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Годом ранее.	18
Глава 2	21
Глава 3	26
Двадцать пять лет назад.	32
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александра Волк

Своенравная рабыня

Пролог

Я самый прекрасный ночной цветок дома Наслаждений в приграничном таху Са-ах. Мой дар – управлять чужими эмоциями, что получается у меня даже лучше, чем управлять своими. Уж поверьте, навязывать кому-то посторонние эмоции намного проще, чем справиться с собственной... истерикой.

– Да, да, дааааа! – нет, что-то ни то. – Я! Я! Я! О май гад! – вообще не в тему. – Возьми меня. Ну возьми же... – и хрясь его подносом по башке! Ой не попала.– Ай, ай, ай... Да больно же! – пытаюсь я вывернуться из цепких пальцев одного из самых наглых представителей мужского населения таху.

Кто-то вовремя стучит в дверь. Мы замираем, я едва могу отдышаться.

– У вас всё в порядке? – спрашивает, не открывая двери, моя прилюбезнейшая работодательница, нуа-Киáла. Уверена на все сто, что ее беспокоит вовсе не порядок в ее лучшем доме Наслаждений для местных богатеньких аборигенов, а не прибыю ли я в пылу схватки одного из ее покровителей.

Точнее младшего сынулю одной из правящих семей Са-ах.

– Нормально, – пыхчу я, но понимаю, что ответила слишком тихо и вряд ли меня расслышали за толстой деревянной дверью, такие пропускают только вопли. Наверное, я переусердствовала, раз хозяйка услышала. – Всё хорошо! – ору во всю глотку и чувствую, как чужие лапы на моем теле сжались крепче, хотя сам их владелец аж вздрогнул от неожиданного вопля.

Я хитро улыбнулась, зная, что он не видит сейчас моего лица, возвышаясь надо мной двухметровой детиной, а при моем росте в 165 сантиметров, максимум куда его глаза и смотрят, так это в глубокий вырез моего полупрозрачного балахонистого халатика. Хотя может он джентльмен и смотрит на мою светловолосую макушку? Ага, как же! Его ручки медленно, но уверенно поползли к моей груди. Не устоял!

– Ну, куда ты так спешишь, – бью я его игриво по одной из ладоней.

За дверью тишина. Или хозяйка удалилась, успокоенная моим громким и уверенным ответом, или ждет исхода.

– Уууу, какая ты горячая! – пыхтит это нечто мне куда-то в район уха.

А он чё думал, я холодная? Полудохлая тушка? Зачем тогда вообще припёрся?

Я разворачиваюсь в его руках, заглядываю в черные глаза, затуманенные похотью, нежно пробегаю пальчиками по пле-

чу, шее, касаюсь его губ, чувствую, что если затянуть дольше, то он мне или ребра, к такой-то маме, сломает, или, как минимум, с синяками буду неделю ходить.

– А ты любишь горячих и страстных?

– А кто таких не любит, – ухмыляется он и наклоняется, явно собираясь поцеловать.

Вообще странно, что мы до сих пор стоим на ногах, а не валяемся где-нибудь между входной дверью и кроватью. Почему-то младших сынков чаще всего хватает на пару шагов и меня уже пытаются завалить, как дичь на охоте.

Я вовремя прикрываю его рот ладонью и, обманчиво разыграв смущение на лице, произношу последние шаблонные фразы:

– Ой! Ну что ты всё спешишь и спешишь. Целая ночь впереди, – и вот он уже, пошатываясь, двигается назад, прямоком к огромной кровати на низких ножках. Валится на постель плашмя, не выпуская меня из рук, и с самым, что ни на есть, блаженным выражением на лице уносится в мир грёз.

– Бедолага, – вздыхаю я и, сбросив его руки с себя, встаю.

Поправила халатик, собрала растрепавшиеся волосы в пучок, разыскала свои тапочки в разных углах комнаты и, подхватив их, с гордо поднятой головой выплыла в коридор.

– Шустрая, – нуа-Киала даже не смотрит на меня, а лениво рассматривает свои аккуратные ноготочки, покрашенные в ее излюбленный бархатно-синий цвет. – Могла бы мальчишке подарить чуть больше времени.

– А я бы и подарила, если бы они не лезли на меня, словно кони в период размножения на кобылу, – отфыркиваюсь я. – На сегодня всё? Я свободна?

– И куда это ты собралась?

– Спать. Куда же еще? – удивлено взираю я на непривычно недогадливую хозяйку.

– Сын Архов здесь.

Я вздрагиваю. И сама не знаю, то ли от предвкушения, то ли от страха.

Таху – слово «город».

Нуа – уважительная приставка к имени богатой или влиятельной женщины.

Глава 1

Яркое светило медленно скатывалось к горизонту, освещая безжизненную пустошь, растянувшуюся во все стороны, куда только мог достать взгляд живого существа. Длинное ущелье было единственным местом, где наружу всё еще пробивалась вялая растительность и можно было отыскать между огромными валунами или в неглубоких горных нишах скудную тень. Ветер завывал, будто раненый зверь и подымал в небо пыль, не позволяя дышать глубоко и ровно.

Двое мужчин лежали бок о бок на земле на одной из возвышенностей и пристально наблюдали за ущельем, точнее за тем, что там происходило. Их песчаного цвета одежда и обувь сливались с обезвоженной почвой пустоши, головы были покрыты платками, скрывающими и часть лица; смуглая кожа приобрела красноватый оттенок и покрылась тонким слоем пыли. Их сложно было заметить. И единственное, что могло привлечь чужое внимание – блеск металла. Но оружие было спрятано в кожаных ножнах на поясе, да и в наличие оно было только у одного – у того, кто выглядел старше, опытнее и заметно собранней, чем его товарищ.

– Брат, ты видишь ее? – прошептал младший.

– Да, – был спокойный ответ.

– Где? – мужчина необдуманно приподнялся на локтях, едва не выдав их обоих.

– Голову опусти, – зло прошептал старший.

Прошло какое-то время. Мужчины продолжали наблюдать. А внизу в это время, не подозревая, что за ними ведется наблюдение, отдыхали наёмники со своим товаром – похищенные молодые женщины для работорговли.

Семь молодых темноволосых женщин сидели на голой земле, прижимаясь друг к дружке. Их одежда превратилась в пропыленные тряпки, руки связаны, на тонких шеях болтались ошейники из кожи. Лишь одну держали отдельно от остальных – двое мужчин удерживали женщину за тонкие, но крепкие цепи, прикованные к обручам на ее запястьях, одетые поверх длинных перчаток из грубой ткани. К ошейнику была прикреплена еще одна цепь, но сейчас она болталась без надобности, запутавшись за лодыжку рабыни. Женщина стояла на ногах, руки широко разведены в стороны, светлые волосы висели грязными паклями и казались серой немойтой массой, платье превратилось в лохмотья, даже хуже, чем у остальных. Она и сама выглядела намного хуже, словно ее ведут по пустоши уже нескончаемое количество дней. Но женщина отличалась не только внешне, она и вела себя иначе, в ней будто бушевало пламя жизни, неугасаемое сопротивление.

Ущелье то и дело оглашали гневные крики, на смеси киребёрского и еще какого-то языка.

– Дэмьян, ты когда-нибудь видел таких самоуверенных рабынь? – прошептал младший.

– Скорее уж глупая, а не самоуверенная.

– Жаль. Убьют ее. Не успеем, – вздохнул мужчина, стянул платок с лица и почесал заросшую черной бородой щеку, затем попытался продолжить разговор. – А может...

– Даже не думай! Мибри важнее, – остудил его старший, при этом даже не отвёл взгляда от происходящего в ущелье, но будто бы машинально проверил на месте ли его клинок и, нащупав рукоятку, обмотанную тонкими полосками кожи грубой выделки, немного расслабился.

Мертвые земли Адáнии пользовались спросом лишь у тех, кто желал пройти незамеченными мимо территорий одного из самых могущественных народов мира под названием Тэнэки́я – киребров. Кире́я – земли, принадлежащие киреорам – славилась своей силой. Их боялись и уважали практически все. С ними могли соперничать немногие, но и те старались поддерживать дружеские союзы, чтобы не увязнуть в очередной нескончаемой войне.

Мир был шатким, но он того стоил, а мелкие стычки, особенно на приграничных территориях никого не волновали. А если они происходили еще и в землях, которые давно никому не интересны, то тем более всем было не до них. Зато многие пользовались этими самыми ненужными и заброшенными территориями. Как, к примеру, ущелье, которое когда-то было глубоководной рекой, если верить древним летописям адáнского народа, покинувшего эти места много полных круговоротов Тэнэкии вокруг ша-áх.

Путь через ущелье считался самым коротким, от того наиболее привлекательным для наемников. Именно поэтому мертвые земли и особенно такие места, как ущелье, хоть и не часто, но проверялись хранителями границ Киреи – дагалами. А какие-то там наемники были им не ровня, пускай даже самые умелые, сильные и кровожадные.

Двое наблюдателей были именно этими самыми хранителями границ, а старший к тому же занимал высокий статус – кэя дагалов. И сейчас его в большей мере волновала не намечающаяся потасовка с наемниками, не рабыни, за которых он получит приличную надбавку для своих людей, когда доставит их в Са-ах (один из четырех приграничных таху Киреи), а лишь одна из похищенных и один из сопровождающих.

Рабыней была их подруга, которую похитили по дороге к таху. Для кэя Дэмияна Миори еще и как младшая сестра, поэтому он никогда бы не оставил ее в беде. Не смог бы забрать сейчас, значит, отправился бы следом и выкупил.

Но его также и заинтересовал незнакомец, сидящий верхом на мощном и слегка неповоротливом с виду животном – талэку – чьи чешуйки блестели под лучами небесного светила, как отполированная сталь. Мужчина был одет иначе, чем наемники, у него единственного был талэку, и он единственный прятал лицо под шуарой – платок, которым киреры покрывали голову и прятали нижнюю часть лица от ветра и палящего солнца. А еще он явно не главный, того кэя

приметил сразу, однако его похоже или уважали, или, возможно, побаивались, поэтому сторонились.

Молодой дагал неловко дернулся и задел локтем кэя, вырвав того на время из его размышлений, но старший лишь скосил глаза в сторону и снова уставился на ущелье.

– Прости, Дэмиан, – поспешил извиниться за свою неуклюжесть младший и еще усерднее изобразил на лице каменную маску наблюдателя, хотя на самом деле язык так и чесался закидать старшего вопросами насчет происходящего внизу.

А внизу всё никак не могли уговорить смутьянку-рабыню. Из милого ротика лился такой поток отборной ругани, что если бы каждое слово можно было понять, у мужчин бы уши завяли.

– ... Слышь, ты, садист, даже не думай сваливать, я ж все равно до тебя доберусь. Причиндала все твои своими же руками пооткручиваю. Да, отпустите вы меня!

– А рабыня-то с характером, – не выдержал, наконец, младший их молчания. – Правда, ни слова не понял. Ругается или проклинаят?

– Нет. Счастья и здоровья желает.

– Аааа, – протянул он задумчиво и тихонько прошептал: – Не хотел бы я услышать такие пожелания в свою сторону.

– Эй! Куда пошел?! Я с тобой говорю! Да отпустите вы меня! Мне надо с этим ... как его там... поговорить.

Смутьянку удерживали, но очевидного вреда ей никто не

причинял, что еще больше удивляло молодого дагала. Если ей и было больно, то лишь из-за ее же дёрганья на месте.

– Интересно, кто она, – пытался рассмотреть рабыню младший. – На наших женщин не похожа.

– Не знаю.

– У нее вроде волосы светлые... Или из-за пыли такие?

– Не отвлекайся! – зло рыкнул на младшего старший.

– Прости.

Для молодого дагала это был третий опыт похода в мертвые земли, и первые два принесли увесистые мешочки рахиров, когда они отбили у наемников их товар и доставили рабынь в Са-ах. Но он был в большей мере заинтересован в приобретении опыта и наблюдениях, чем в наживе. Не копил и не отправлял семье заработанные рахиры, как делали это остальные, а спускал весь свой заработок в домах Наслаждения и на необходимые товары для своего ремесла – лекаря.

Толковый лекарь – затратная профессия, так считал он сам. Но толковый лекарь еще и очень ценен, особенно в трудных пеших походах, именно поэтому кэя до сих пор терпел все его выходки, а не прогнал прочь. И оба знали об этом. Хотя большинство считало, что причина в их родстве, и яро это обсуждали в свободное время. А чем не тема для разговора, когда собирается мужская компания под бутылочку крепкого киреорского пойла, доступного каждому, у кого хоть немного звенит в карманах. Да и не со зла дагалы обсуждали кэя и лекаря, а ради забавы. И кто вообще смо-

жет обойти стороной такую интересную тему, как близкое кровное родство с разным социальным статусом, где занимающий более высокое положение вроде как подчиняется тому, кому не должен. Хотя «подчиняется» – это было громко сказано. Но то, что кэя и лекарь брата, знали все без исключения.

– Страстная. Мне бы такую, – раздался мечтательный голос младшего. – С ней не соскучишься.

Кэя на мгновение замер, не веря своим ушам, затем повернул голову, глянуть на непутевого брата, возомнившего, что ему пора обзавестись дурной на всю голову рабыней.

– Арияр... тебе отцовских рабынь и домов Наслаждения мало?

– Мало! – заявил уверенно. – Пора себе постоянную женщину найти.

– Ты еще о гарае мне начни петь.

– А почему бы и нет? – улыбнулся младший замечанию старшего.

Рассматривая заинтригованное происходящим в ущелье лицо их молодого лекаря, кэя неодобрительно покачал головой, и тут же следом полетела смачная затрещина по бестолковой башке. Кэя с удовольствием приложил ладонью к затылку, спрятанному под пропыленным платком.

– Ай!

– Не отвлекайся! И поправь шуару. Кто ее так заматывает, – бурчал он недовольный поведением своего родственни-

ка и по совместительству подчиненного, за которого нес ответственность не только перед семьей, но и перед ушедшими в мир бестелесных теней предками* – все-таки наследник, а не абы кто.

– Прости, прости, – шептал виновный и тщетно пытался спрятать лицо под тканью, как это было у его кэя.

– Из-за твоей болтовни нас заметят, а Бэгуру еще нужно время обойти ущелье. Хочешь оставить Миори на попечение этих зверей в тряпках?

– Нет.

– Тогда молчи и следи в оба.

Прошло некоторое время, и снова раздался тихий шепот:

– А на кого она всё же так злится?

– Я сам пытаюсь понять кто он.

– Но явно не на их главного. Тот вон, в сторонке сидит, и она на него даже не смотрит. Я же прав?

– Да.

Младший верно подметил: рабыню интересовал не главный среди ее похитителей, и не один из подручных главного, а тот же, кем заинтересовался кэя.

Талэку может приручить не каждый, да и водятся эти редкие животные только в двух местах: на севере Киреи, там, где от бывших земель Адании еще хоть что-то сохранилось в первозданном виде, и на островах народа тария. Если талэку в мертвых землях, то, скорее всего, его хозяин из местных. Вряд ли незнакомец – тария. Да, и животное не перенесло бы

столь дальний путь. Неужели киреор? Столкнуться с кем-то из своих, сопровождающим рабынь через мертвые земли, не к добру. Ранее такого прецедента не происходило. Кто он? Чье лицо скрыто под тканью темной шуары, обмотанной вокруг головы и большей части лица? Кто из киреоров решился нарушить законы своего народа и участвовать в похищение женщин вблизи от родных земель? Настолько жаден или глуп? Его ждет пожизненное заточение в подземелье. Стоило ли рисковать своей свободой из-за того количества рахиров, которые ему достанутся после продажи рабынь? Так еще и вляпаться с похищением ша-ахкая – женщин, благословленных самим великим ша-ах, никто не смел обижать, а тем более надевать на них ошейник рабыни. За такое могли отсечь обе руки. Дэмиян до сих пор не мог поверить, что наемники рискнули похитить Миори. «Или малышка не сообщила кто она?» – кэя отмахнулся от глупой мысли. Миори незачем скрывать свой дар, а в Са-ах, да и в приграничных поселениях ее все знают. Та, что забирает боль – разве можно ее лишать свободы?

– Сигнал! – воскликнул младший и быстро прикрыл ладонью свой непутёвый рот, вечно подводивший его.

Кэя с удовольствием бы отвесил еще одну оплеуху, но пришло время для более важного дела – отбивать подругу, рабынь и по возможности узнать, кто же скрывается под темной шуару.

Ша-ах – солнце.

Кэя – командир отряда дагалов.

Талэку – животное, похожее на слона, но с пластинками, покрывающими кожу, как огромная чешуя и острыми когтями на лапах.

Рахиры – денежная единица Киреи.

Гарая – единственная, не всегда супруга.

«ушедшими в мир бестелесных теней предками» – фраза о тех, кто умер.

Годом ранее.

– Эля, постой!

– Кари, Бэрхэс тебя заberi, – проворчала я, но старалась не оглядываться и уж тем более не останавливаться.

Если подруга догонит, то не видать мне канкхър, как собственных ушей. И долгие месяцы подготовки пропадут зря. А я устала жить, не зная правды о своем мире, о своей семье, о своем рождении. Кто, черт побери, я такая?!

Да, мне уже скоро тридцатка, а я всё никак не угомонюсь и ума разуму не наберусь, если верить Карине, но это ни она всю жизнь живет, словно бедный родственник. Хотя чего это «словно»? Очень даже точное определение! Только я вдобавок к этому еще и не родственник, а так – подруга.

И да, я бурчу лишь потому, что самой-то жутко страшно, и уверенность с каждой минутой становится всё менее твердой. И если не буду себя подстегивать, то обязательно остановлюсь, развернусь и побегу обратно. И что тогда?!

Пройдет время, а я снова в депрессию впаду.

Головой понимаю, Карина права, все правы, одна я – дура! Но лучше буду жалеть о содеянном, чем до старости сама себя морально съедать.

Отмахнувшись от очередной ветки, я упрямо продираюсь вперед. Ночь, опустившаяся на острова, как назло была слишком темной. Небо заволкло тучами еще с вчера, а я так

надеялась, что распогодится. Вот теперь плачú за глупость. Надо было подумать заранее, чем буду себе дорогу подсвечивать, но понадеялась на чудо и этот долбанный кристалл. Помянув имя местного темного божка еще раз, я мысленно плюнула и отбросила в сторону тускло-светящийся и довольно тяжелый криналид. Он звонко ударился обо что-то твердое, судя по звуку, и остался валяться на земле бледным белым пятном, а я мчалась вперед. Если мои продиранья в потемках через кусты и с огромным рюкзаком на спине вообще можно назвать «мчалась».

– Эля! – донеслось как-то уж слишком близко, или послышалось. – Не остановишься, я тебя лично прибую!

«Ага! Так я и послушалась. Была бы ты такой послушной. А то, как скакать меж двух миров, нервировать родителей и мужа, так она впереди всех, а чуть кто другой – так сразу мамашку из себя изображает», – мысленно ехидничала я.

Но всё ехидство испарилось, как утренний туман, стоило выбраться на открытую площадку и услышать шум волн, бьющихся об острые скалы. Я крепко сжала лямки рюкзака и зашага вперед, к невероятно страшному обрыву, от которого днем захватывает дух, а ночью, даже если не видеть того, что находится внизу, чувствуешь себя не менее стрёмно.

Темное небо над головой. Темнеющая водная бездна, простирающаяся до самого горизонта, куда может достать взгляд. Ветер, бьющий в лицо. Гул в ушах. Сердце колотится так быстро, что с трудом веритья, как это оно еще не взо-

рвалось в груди.

– Ну же, – прошептала я. – Я не опоздала, я вовремя, – мне было тревожно.

– Эля! – снова раздался крик Карины.

И тут воздух замерцал фиолетовыми брызгами, а в нескольких метрах от меня, над самой бездной, открылся канкхар – темная дымчатая субстанция возникла из ниоткуда. Я замерла, любуясь и переживая самые яркие чувства в своей жизни, просто шквал эмоций: от страха и волнения, до наиярчайшего предвкушения.

– Эля, прошу.

Я вздрогнула, но не обернулась. Нельзя. Увижу ее и не решусь на последний шаг – шаг в бездну. И прыгнула вперед, молясь, чтобы там меня ждало мягкое приземление, а не острые скалы, ледяная вода и глубина.

Бэрхэс – имя бога с Элькады; «Бэрхэс тебя заведи!» – ругательное выражение – отсылка ко второй книге цикла, «Мой бойфренд из другого мира».

Канкхар – проход между мирами – отсылка ко второй книге цикла, «Мой бойфренд из другого мира».

Криналид – светящийся кристалл – отсылка к первой книге цикла, «Мой мужчина из другого мира».

Глава 2

– Ах ты ж ублюдок!

Всё, что я могла, это бестолково дергаться в руках двух кретинов. Мои угрозы – лишь выход эмоциям. Беспомощность – вот, что злило сильнее. Даже сильнее, чем факт моего неприглядного будущего. Да, Кари, ты была права. Мой мир не стоит того, чтобы удовлетворять свое любопытство – свое бабское глупое любопытство. Сидела бы себе дома, жила припеваючи, невзгод не знала. Нет! Надо ж было припереться сюда. Да чтоб весь этот мир высох от нехватки воды! Ненавижу! И мужиков ваших ненавижу! Моральные уроды! Садисты!

– Эля, прошу...

Едва различимый шёпот донесся до меня, словно тихое эхо. Я вздрогнула. Мне стало еще больнее. За что нам, слабым женщинам, такое испытание?

Всё что я смогла – это вывернуть в бок голову и посмотреть на Миори. Подруга по несчастью жалась к грязному камню, вокруг нее стояли, едва держась на ногах, изможденные трудным переходом, такие же как она и я, пленницы. Мы товар – товар для мужчин этого уродливого мира. Рабыни. Не важно, в какой семье каждая из нас родилась, не важно, к какому народу принадлежим – мы молоды, без увечий и за нас хорошо заплатят.

Но он! Я снова смотрела на скрытое чёрной тряпкой лицо того, кого ненавидела лютой ненавистью, даже сильнее любого из тех, кто нас похитил и сопровождал. Нет, его интерес не в деньгах. Это я поняла вчера. Унижать, втоптывать в грязь, запугивать – вот зачем он пришел.

Скрываешь лицо? Я даже не сдержалась и ухмыльнулась. Тебе это не поможет. Я видела его и узнаю из тысячи подобных. Что, сукин ты сын, растерян? Не знаешь, как на меня реагировать? Ломаешь голову, что со мной сделать? Лучше убей – лучше для тебя!

– Дага-а-а-лы! – пронеслось эхом над ущельем, я вздрогнула от неожиданного вопля одного из наших похитителей.

В последний раз мы пересеклись с НИМ взглядом, и через мгновение он уже сидел на своем слоне, или что там вообще за зверь под его ублюдским задом, а еще через мгновение испарился в воздухе, будто по мановению волшебной палочки. А вокруг меня взорвался шум: женский испуганный крик, злобное мужское рычание, слова терялись в какофонии звуков. Меня бросили на землю, едва не наступили на ладонь. Отовсюду летели камни, обсыпаящиеся с высоких каменистых стен ущелья. Скрежет металла, кровь, непонятные возгласы.

Затем кто-то прижался ко мне, дрожа и крепко обхватив за руку чуть выше локтя. Я оглянулась и увидела Миори. Я машинально погладила ее по голове, но уже через секунду меня силой подняли на ноги, оторвав от подруги.

О, злость – самое слабое определение тому, что взорвалось внутри меня. Я выплеснула на того, кто меня удерживал все эмоции, которые так долго копились в моей голове и в сердце, выхватила из-за чужого пояса нож и замахнулась. Я убила бы – не задумываясь, не сомневаясь.

Но он вовремя ушёл от удара, выпустил меня, шагнул в сторону, развернулся, и через миг к моим ногам упал бездыханный труп с вывернутой в сторону головой. Злость исчезла, я растерянная все еще стояла с ножом в руке и не могла понять произошедшего. А когда подняла голову, увидела чужую ладонь... и дальше пустота.

– Дэмиан, успокойся.

Вовремя подоспевший дагал – высокий крепыш, едва ли не на голову выше своего кэя, да и мощнее, – положил свою широкую ладонь на плечо взбесившегося без явной на то причины Дэмиана и крепко сжал.

Вокруг всё еще было шумно, кто-то пытался убежать, кто-то отбивался, кто-то нападал, рабыни не кричали, пораженные увиденным. Их подруга лежала на земле – удар по лицу не только свалил ее с ног, но и отправил в беспамятство. А тот, кто стал причиной ее состояния, возвышался над ней, сжимал кулаки и не отводил пылающего яростью взгляда от неподвижного женского тела в драных лохмотьях, некогда

бывших платьем.

Неподалеку от кэя стоял его брат. Он буквально недавно пытался помочь одной из рабынь подняться на ноги, но после увиденного забыл и о рабынях, и о бойне в ущелье. Его всегда уравновешенный брат ударил женщину. Да так, что она вроде и не дышит уже. И ведь остановить его не просто ни успели, но никто бы и не рискнул, кроме Бэгура, лучшего друга их кэя, а тот вмешался с запозданием.

– Дэмиан, ты чего взбесился? Из-за кисара? – крепыш, он же Бэгур, похлопал друга по спине, улыбнулся, надеясь, что кипящая и, по-видимому, с трудом сдерживаемая злость, овладевшая их кэя, сейчас утихнет. – Оставила бы она на тебе пару царапин. Чего так бушевать?

– Не моя злость, – прорычал Дэмиан. – Ее злость.

– Чего? – пришла пора и для Бэгура удивленно уставиться на лежащую на земле рабыню. – Дар аданов?

Мужчина только теперь заметил, что на обоих запястьях рабыни широкие кожаные браслеты, а сами руки в длинных перчатках.

– А я-то гадал, почему усмирить не могут. Да они боялись прикоснуться к ней. Вот так подарок небес. И что? – снова посмотрел Бэгур на друга. – Тебе-то чего досталось так?

– Ее эмоции сильнее моих.

– Сильнее? – хмыкнул недоверчиво крепыш, осмотрел содрогавшегося от переизбытка злости кэя, и огляделся вокруг, убеждаясь, что они, отвлекшись, не подводят своих. –

Так, с ней будем разбираться позже. Здесь мы закончили.

Выиграли, как всегда, дагалы. Бэгур оценивающе прошелся взглядом по своим ребятам, убедился, что опасных травм и ранений ни у кого нет, все живы, женщины вроде тоже сносно выглядят, если учитывать, сколько им пришлось пережить. Бросил взгляд на Миори, собираясь что-то сказать, но девушка, будто не замечая, что за ней пришли друзья, смотрела на рабыню, которую Дэмиан так неласково отправил в беспомощность.

– Дэмиан, я возьму ее, а ты успокаивайся и веди остальных.

– Нет! – злобно рыкнул кэя, нагнулся и поднял пострадавшую от его руки рабыню. – Она моя проблема. Остальным скажи, чтобы держались от нее как можно дальше.

– Ээээ,– выдал Бэгур и уже вдогонку крикнул. – Ты хотя бы ее не прибай. – и добавил тише, понимая, что его не слушают, – случайно.

Кисар – холодное обоюдоострое оружие киреоров.

Глава 3

– Тьма Бэрхэсовой задницы, чертов мир... как же больно.

Да, боль была неприятная, но челюсть двигалась, что я проверила в первую же очередь, как пришла в чувства. Голова ныла – нехороший знак, могла при падении стукнуться. И вроде слегка кружится, но так темно, что и не разобрать: кружится или нет. Я медленно подняла руки вверх, не сразу поняла, что запястья связаны, чертыхнулась и аккуратно ощупала лицо и голову, насколько позволяли путы. Затем прислушалась и не только к своим внутренним ощущениям и телу, но и к окружающим меня звукам. Шорох, так словно неподалеку пробежала крыса или огромный таракан размером с крысу. По телу прошлась противная мелкая дрожь. Вот еще заточения где-нибудь в подземелье мне и не хватало. Сыро? Вроде нет. Мои ушки наострились, как мега-локаторы, улавливающие даже самый малейший звук. Дыхание! Точно. Я слышу чье-то дыхание, и не одно. Я здесь не одна! Ура!

Но через мгновение (не дано мне радоваться долго) на мое колено упала чья-то ладонь, я аж затаилась, боясь выдать свое присутствие вблизи от того, кого не видела. Сглотнула – сухое горло кое-как продралось. Воды мне явно не хватало. Эти убудки выдавали такие крохи воды, что иногда мне казалось, будто их цель не нажива, а садизм. Им просто нра-

вилось видеть, как мы с трудом боремся за жизнь.

Неделя в неволе – вечность. Я уже и не уверена, что прошла неделя. Я давно ни в чем не уверена. Даже в реальности происходящего со мной, вокруг меня и ...

Я очень хочу домой.

Из глаз потекли слёзы, кожу защипало – откуда только смогли влаги набраться, во мне же воды едва хватает, чтобы считать себя живой. Я вытерла щёку и попыталась побороть темноту, но глаза тоже устали, и теперь каждая ночь вроде и приносила облегчение, однако и страх, что утром я уже не смогу разогнать мрак вокруг себя, что он навсегда поселился во мне.

Кто-то рядом зашевелился, рука на моей ноге чуть сжалась и снова расслабилась. Тишина. Я выждала и аккуратно прикоснулась к руке. Надеялась, что ошиблась и ее тяжесть – лишь преувеличение замутненного разума. Надеялась, что рядом кто-то из девчонок. Но только мои пальцы почувствовали под собой тепло чужой кожи, как рука молниеносно ускользнула от меня. Перед глазами в этот момент всплыл образ огромной мужской ладони в резком замахе, и я, вздрогнув, отшатнулась назад и ударилась затылком обо что-то твердое. Слава всем богам всех миров, на этот раз мне повезло остаться в сознании.

Зазвучавший вблизи голос испугал еще сильнее, и я панически вжалась спиной в преграду позади себя, желая раствориться в ней, проскользнуть сквозь и исчезнуть. Смысл

всего сказанного не доходил до меня. То ли от недавнего падения, то ли от ежесекундного стресса, страха и невыносимых условий последней недели, но мозги отказывались воспринимать чужой язык и переводить его. Или язык и вовсе мне был незнаком.

На мгновение мне показалось, будто я увидела белесое пятно в густой темноте, а затем в мои руки что-то ткнулось – что-то теплое и выпуклое. Я снова дернулась и прижала ладони к груди, спасаясь от неопределенной опасности.

– Пей.

«Пей? Я верно поняла?» – мне было страшно, но я всё же решила протянуть руки и взять то, что предлагали.

Теплый, выпуклый, немного влажный и приятный на ощупь – кожаный мешочек с пробкой и ремешком. И до меня, наконец, дошло – пей! Вода! Я схватилась за сосуд, где-то краем сознания отметила, что вода имеет сладкий привкус с едва заметным цветочным ароматом, но все образы потерялись под мощью благодатной влаги, попавшей мне в рот. Вода – вот истинный дар богов, а не золото и брюлики. Прохладный чистый воздух и вода – два дара богов, которые мы ценим лишь, когда их катастрофически не хватает. Раньше я думала, что драгоценность – деньги и вещи. Наверное, они и останутся драгоценными. Но поистине бесценными являются вода и чистый воздух.

– Осторожно, – кто-то попытался отобрать у меня воду и получил в ответ... рычание? Я что на самом деле зарычала? –

Не спеши.

– Отвали! – огрызнулась я и снова присосалась к узкому мягкому горлышку, жадно поглощая воду до остатка, пока последняя капля не упала мне в рот.

Облегчение пришло лишь на какое-то время, очень короткое время – и снова страх. Чувство, которое сложно побороть, сложно скрывать. Страх, что это была единственная вода, а я так бездумно ее израсходовала. Страх, что следом придет боль, когда мой надсмотрщик разозлится, и хлесткий удар плетью пройдет по едва прикрытой ошметками ткани коже или удар ладонью по лицу, что не менее больно, особенно от того, кто вкладывает в него всю свою ярость.

– Очнулась? – спросил кто-то, и я уже была уверена, что понимаю, а не догадываюсь, понимаю ли.

– Очнулась, – ответил кто-то еще.

Видимо, разговор был обо мне, но говорили не со мной.

– Отвар весь выпила. Дай воды.

Разговаривали явно двое, и уж точно не женщины. Что ж, этого стоило ожидать. Чуда не произошло, и кошмар не оказался затянувшимся сном. Я все так же являюсь пленницей, только цепи заменили на веревку и сняли перчатки. Перчатки? Новое открытие поразило меня еще больше. Как я сразу не заметила, что мои руки свободны от грязной колючей ткани, что кожа пускай и зудит, но мне всё же легче, чем раньше.

Мои руки задрожали, да и я вся дрожала, словно лист на

ветру. Медленно и с опаской я снова подняла ладони вверх и прижалась к ним щекой – блаженство. Мои любимые ручки, мои пальчики, моя нежная кожа – моя бедная некогда нежная кожа, превратившаяся в старую, сухую, в ссадинах и раздражениях. Слезы текли и текли, выгоняя прочь из тела не только боль и радость вперемешку, но и бесценную влагу.

– Больно? – донеслось, словно эхо внутри меня же. – Больно? – повторил назойливый голос и снова мне в руки сунули мешок.

Я ощетибилась, готовая к сопротивлению. Больше не позволю надеть на себя грязную грубую ткань. Ни за что!

– Отвали, ублюдок!

Тишина в ответ. Я уж подумала, что вот он момент – когда терпение того, кого я так и не могла увидеть, лопнет. Но тишину вновь нарушил спокойный голос:

– Я не понимаю того, что ты говоришь, ноо знаю, что понимаешь меня и владеешь нашим языком. Так тебе больно или нет?

– Нет!

– Тогда постарайся уснуть, нам скоро в путь, – короткая пауза и мои мысли будто бы предугадали: – Все женщины в порядке и спят.

Шорох, будто кто-то отодвигается или, возможно, уходит, вызвал новый приступ страха, но уже не за себя, а за других, а эмоции подтолкнули вперед, но словила лишь воздух и едва не завалилась на бок – если бы не чужие руки, удержав-

шие за плечи. Миг, пока мы соприкасались друг с другом, пронес сквозь меня чужие эмоции: смесь неожиданности и тревоги, силу, которой ранее я ни в ком не ощущала, некую долю боли. Возможно, я неверно расшифровала, но именно такие эмоции усилились и во мне. А раньше в мужчинах этого мира я чувствовала лишь похоть, злость, трусливость, и еще много грязного и смердящего. Ни капли доброты, ни капли тепла. Что же изменилось? Кто он? Почему отличается от остальных?

Двадцать пять лет назад.

– Отец, кто это?

– Подарок тебе.

Юный киреор недоверчиво осмотрел девочку, сидящую на голом каменном полу у его кровати. Он не ожидал застать отца в своей комнате, тот крайне редко заходил в северную часть своих владений, где проживали так называемые неугодные родственники, к примеру, он, сын от рабыни. А найти еще и «подарок», у которого просто не могло быть смысла – тем более. Светловолосая светлоглазая малышка была совсем крошечной и худенькой. Просторное серое платье скрывало практически всё ее хрупкое тельце от плеч до пальцев на ногах. Волосы растрепанны, лицо испуганное, а глазки воспаленные от слез.

– Она же ребенок, – прошептал парень и посмотрел на отца, усевшегося мгновением ранее на его постель и посмотревшего на него с таким недовольством, будто ему вообще не стоило открывать рот.

– И что с того? Я купил ее для тебя.

– Зачем?

– Будет полезна.

– Полезна? Мне? – сложно было понять отца, хотя он никогда не мог его понять, особенно его решений, но одно знал точно, подарки отец не делает, тем более незаконнорожден-

ному сыну.

– Твоя мать сделала подарок мне, когда передала потраченный ею впустую дар своих дальних предков тебе. Жаль, что ты родился от рабыни, но растрачивать твой потенциал я не позволю. Эта девочка будет твоим испытанием. Уничтожь в ней дар аданов, – закончил он и поднялся с кровати одним быстрым движением, будто сработал скрытый механизм.

Мужчина презрительно осмотрел малышку, так и сидящую у его ног, в какой-то миг ему захотелось пнуть ее, но сын, будто услышав мысли отца или почувствовал неладное, буквально загородил ее собой, встав между ними.

– Да как ты смеешь, щенок! – зарычал отец, но ничего не сделал.

Мужчина расправил плечи, напоминая о своем статусе, и в большей мере, наверное, себе, а не сыну, и вышел вон из комнаты.

Глава 4

Не заканчивающийся одноликий пейзаж, обезвоженная почва под ногами, редко встречающаяся растительность, слепящее солнце над головой, изнуряющее своим ярким белым светом и высушивающее тела, словно мы уже давно мертвы.

Как же я устала от Тэнэкии. Другой я ее практически и не знаю. А те несколько малонаселенных бедных поселений, что довелось повстречать на своем пути за год... Или уже больше? Хотя разве это имеет значение. Время здесь будто умерло или ушло вместе с водой, течет так же вяло, как и вся жизнь в мире, который я надеялась вернуть для себя. Я и впрямь устала. О чем думала? Снова мысль ускользнула от меня. Но я всё еще могу думать – наверное, это хороший признак.

Поселения. Точно! Вспомнила. Я думала о них. Боже, зачем я вообще о них подумала? Зачем я вообще о чем-либо думаю?

– Эля.

Я дернулась, словно меня ударили, но это была всего лишь Миори, заставившая меня остановиться.

Мы двигались за остальными, медленно, кое-как передвигая конечностями и погрузившись в вязкие мысли. Сил сопротивляться уже не осталось, да и желания как такового то-

же. Только отупение и упрямство.

Миори смотрела куда-то впереди нас, а я на нее. Мне казалось, что чего-то не хватает, но уставшие мозги не подкидывали нужного ответа, поэтому я смотрела на подругу, словно в ступоре.

– Там! Смотри.

И я нехотя обернулась.

Всё тот же пейзаж, почва, колышущийся от перегрева и засухи воздух, белесое небо и медленно удаляющиеся от нас фигуры. И только один замер, дожидаясь, пока мы догоним, позволяя нам короткую передышку, которые нам жизненно необходимы. Я бы вообще, была бы моя воля, встала бы столбом, а еще лучше – уселась бы посреди этого живописного уголка и не сдвинулась бы ни на шаг.

Но что это?

Впереди маячил холм. Нет. Гора? Возвышенность? Скопление камней? Откуда ей тут взяться? Ну вот, теперь обходи по кругу. Больше шагов, больше движений. Я устало выдохнула.

– Вода.

Смысл слова дошел до меня с трудом. «Вода?» – я как будто забыла его значение. Перекатывала в голове и смотрела вперед. Даже подумала, что от усталости перестаю понимать чужой язык. Мозг подкидывает мне неправильные варианты.

– Это не вода... – прислушалась к каждому слову, произ-

несенному мной. Вроде всё верно произнесла.

– Нет. Там точно вода. Это ла-ахо.

– Что?

Миори обессилена подняла руку и указала вперед, повторив:

– Ла-ахо.

– И что это?

– Вода под землей. Мы добрались.

Дожидающийся нас местный абориген задолбался ждать и гаркнул:

– Хватит стоять! Идемте!

Всё, чего он добился – это моего взгляда, брошенного на него. Пусть радуется, что на него вообще обратили внимание. Но идти всё же пришлось.

Не сразу поверилось, что Миори не ошиблась. Мы нырнули в широкий округлый проход с очень низким потолком, даже мне при моем среднем росте пришлось слегка пригнуться. Темное помещение, если так можно назвать зал природной пещеры (судя по поверхности стен это всё же не человеческих рук дело), встретило нас едва заметной прохладой воздуха, будто из невидимых глубин веет влагой. Я на мгновение остановилась на месте, перекрыв выход, точнее преградив его тому, кто нас морально подпихивал вперед. Физически-то прикоснуться боится. И правильно. Нефиг лапать!

Зажглись огни. Слабые, но темнота немного рассеялась. Как раз и сопровождающий задолбался дожидаться пока я

отойду и втиснулся внутрь, отодвинув меня за плечи в сторону. Я так была растеряна, что даже привычно послать в далёкие дали забыла.

Несколько крошечных неуверенных шагов, и до меня, наконец, начало доходить, что воздух на самом деле не прогрет, как снаружи, а если поверить собственным ушам, то где-то журчит вода.

– ... отведи рабынь к воде, – рявкнул кому-то великодушно бугай и лукаво улыбнулся одной из типа спасенных им и его дружками рабынь.

В поле зрения попался тот, кого хотела видеть меньше всего, но от его пристального взгляда, хрен, смоешься. Подарив в ответ презрение, я подхватила Миори за руку и потянула следом за остальными – в темный узкий проход куда-то вглубь пещеры.

Освещение было настолько тусклым, что я едва в стенку не вlepилась, когда проход резко завернул, словно мы шли по кругу. Чертыхнулась и мысленно, и не только, крепче сжала ладошку Миори и злобно прошептала:

– Если воды там, куда нас ведет этот отпрыск демонов, не окажется, честно слово, я их главарю такую сладкую жизнь устрою, рад не будет, что вообще меня в живых оставил.

– Кэю.

– Что? – не понял я подругу.

– Ты назвала его каким-то странным словом. Но я поняла о ком. Он кэя – главный над отрядом дагалов.

– Да мне плевать, как его называют!

И уже морально приготовилась к скандалу – надоело мне пай-девочку из себя корчить, устала. Но кое-кому на этот раз повезло...

Боги, это на самом деле была вода! И не просто миска с водой или бочка, а целое огромное озеро. Я умерла и попала в рай. Зачем мне Эдемов сад, райские кущи, помершие когда-то предки, которых я не знаю, реинкарнация и вся остальная белиберда. Вот он мой рай – в подземном царстве тьмы. Хотя нет. Здесь не так уж и темно. А огромное подземное озеро будто светится изнутри, с самого дна своей глубины. Оно словно дышит. И я дышу. Глубоко, без натуги и по-настоящему.

Я, наверное, несколько минут простояла на одном месте, свыкаясь с реальностью. И не одна я, а все мы, кого лишили свободы и вели по пустоши то в одном направлении, то в другом.

Возвышенность, или чем бы оно ни было, скрывало в себе самое прекрасное место в этом мире. И я ни за что не покинула бы его. Сейчас уж точно. Вот только приду в себя.

Но меня опередила Лебра – неугомонная тэнэкийка бросилась к озеру с воплями счастья, позабыв обо всех. Брызги взметнулись ввысь и окатили тех, кто был ближе всего. Тишину разорвали женские вскрики.

– Эля, а ты?

– Иди, – улыбнулась я Миори и даже подтолкнула ее ла-

донью в спину.

Подруга замешкалась, видимо, не решалась оставить меня. Но почему, я не знаю. А вот почему я осталась, я точно знаю. Потому что чувствовала пятой точкой и затылком его присутствие позади. Я знала, что стоит обернуться, и я непременно увижу этот изучающий взгляд. И моя настороженность, недоверие, сомнения заставляли стоять на месте и ждать.

И я дождалась...

– Почему не идешь к остальным? – тихий голос потерялся бы в шуме женского писка и смеха, если бы я не ждала.

– Проверяю.

Он вышел из темноты, словно призрак. Хотя нет. Он демон! И таким я буду его считать всегда.

Встал рядом и смотрел на плещущихся в воде женщин ... нет, не женщин... рабынь!

– Доволен?

– Чем? – удостоил он меня своим взглядом, повернув голову в мою сторону.

– Товаром.

Мы смотрели друг на друга, и я изо всех сил старалась, чтобы не отступить, не отвернуться, не опустить взгляд в пол.

– Не я выбрал вам такой путь.

– Но ты можешь его изменить. Или я не права?

– Не могу.

– Или не хочешь?

– Мне нет интереса в исправление нашего мира. Я доволен тем, что есть.

Глупый или трусливый, или врёт. А что я еще должна была о нем подумать?

Я отвернулась и снова смотрела на воду. На какой-то миг забылась и облизнула пересохшие губы.

– Не жди подвоха. Его здесь нет. Иди и насладись водой, – я промолчала, а он решил уйти, но напоследок добавил: – Наш путь еще не скоро завершится.

«Священное место, дарованное богами нам для отдыха на тяжелом пути. В мертвых землях таких мест всего три. И это единственное между ущельем и Са-ах. Пришлось отклониться в сторону, но иначе нельзя. Мои дагалы еще смогли бы выдержать нагрузку, но Миори и женщинам необходим отдых. Им нужны силы. Мы дождемся пока ша-ах покажется и скроется дважды – ровно столько пробудем под землей» – примерно такие мысли посещали кэя Дэмиан каждый раз, как он возвращался через мертвые земли к приграничному таху. Но не в этот раз.

Мужчину волновала рабыня с даром аданов – аданияшя́, так называли в Киреи, да и во многих других землях женщин с силой управлять чужими эмоциями. При пер-

вой встрече он не был готов к ее силе, поэтому поддался, а врожденное сопротивление внутри него выплеснулось в столь изощренной форме, как беспричинное насилие. Кэя Дэмиан нельзя было назвать чрезмерно жестоким, но и покладистым его никто не видел. Он мог ударить, мог ударить даже женщину, но тому должно было быть веское объяснение. Он не терпел неповиновения и редко поощрял чью-либо придурь. Однако сейчас пребывал в некоем замешательстве. Вроде рабыня вела себя спокойно и не пыталась воспользоваться своим даром, но он всегда был на стороже.

Поэтому он наблюдал за ней из темноты, молча и заинтересовано. Что ж, и в этот раз она его удивила своим поведением. Единственный вывод, который он мог сделать, это то, что женщина упряма настолько, что будет сопротивляться до последнего и ее покорность – лишь временное явление.

И разговор с ней лишь убедил его в своих догадках. Убеждаться было больше не в чем, а пугать рабынь своим присутствием он не хотел. Поэтому ушел.

Подземелье скрывало в себе две большие пещеры, но лишь одна прятала от дневного света озеро, наполненное чистой пресной и прохладной водой. Из стен в озеро вливались тонкие ручьи, но вода не застаивалась, и пещеры не затапливало – вода, как приходила, так и уходила, забирая лишнее в глубины, которых никто не видел. Прохлада и полумрак, рассеивающийся местами от вставленных в стены глиняных сосудов с горючей жидкостью, были приятным до-

полнением к живительной влаге.

Дагалы первым делом отправили к воде женщин, а сами обустроивали временное пристанище. К тому же они тут должны были встретиться с остальными – не все шли вглубь мертвых земель.

– Брат, о чем задумался? – встал на пути лекарь.

Но кэя ответить не успел, да и не хотел. Лекаря позвала девушка, ради которой они и ходили к ущелью. Миори стояла в проходе между пещерами, отжимая свои длинные черные, как смоль волосы, и смотрела по сторонам. Наверное, убеждалась, что ей не снится и всё пережитое позади. Кэя подметил, как она была бледна, осунулась и еще ни разу не улыбнулась, а на него она и вовсе не хотела смотреть, старалась держаться ближе к рабыням, отводила взгляд в сторону. «Ничего. Успокоится и забудет», – так он подумал, провожая взглядом младшего брата и их подругу.

Как только они скрылись в темноте, буквально через мгновение относительную тишину в пещере нарушили женские вопли – испугались, что зашел мужчина. А затем точно так же внезапно всё затихло. Дагалы, перекидываясь шуточками, поглядывали туда, где находились рабыни и их лекарь.

Глава 5

– Услада моих глаз.

И гробовая тишина после этих слов.

– Ааааааааа! – заорали едва ли не в унисон все девчонки, когда до них дошло, что «услада моих глаз» это они, а охреневший мудила стоит и беззастенчиво любителю женскими прелестями.

Я в тот момент только и успела, что всего раз окунуться в озеро. Выныриваю, а тут принесла нелегкая одного из наших псевдо-спасителей. Женский ор кого угодно оглушит, я аж скривилась.

Стоит это нечто с перекинутым через плечо огромным мешком, шурится, будто в пещере не полумрак, а солнышком по глазам ему бьет. Наверное, от нашего вида в мокрых тряпках, облепивших все изгибы, его ослепило. Улыбается, как котяра у миски со сливками. Все пищат, орут, мечутся из стороны в сторону, пытаюсь спрятаться, а я вздыхаю. Ну и как тут не повздыхать, когда устала до гробовой доски от вечного страха, что вот он час расплаты не за горами. И вся учтивость спасителей – ложь с большой буквы.

Наоравшись вдоволь, девчата примолкли. Стоят кто где и испуганно смотрят на ... «Кстати, а кто это? И почему Миори рядом с ним?» – только и успела подумать, как этот лукаво-ухмыляющийся бес скинул свой мешок на землю и шаг-

нул в нашу сторону с поднятыми вверх ладонями, будто решил сдаться в плен.

– Не бойтесь. Я лекарь.

Лекарь? Меня известие о его профессии не успокоило, а вот многие из девчонок сразу будто размякли. Леора даже заулыбалась в ответ и, выжав свои длинные волосы, вышла из воды и пошла к нему. А когда я подошла, Леору уже усердно щупали: вёлся медосмотр. Но лично для меня, все его мацанья слишком уж откровенно лгали. Так называемый лекарь явно пользовался своим положением и вовсю лапал «пациентку», перешучиваясь с ней. Зубы умело заговаривал. Он свое обаяние и на мне попытался испробовать, но, видимо, не глуп, понял всё по моему взгляду и без слов. Медленно выпустил руку Леоры из своих длиннющих пальцев (да, я успела подметить, что они у него, как у музыканта, а еще подметила, что как бы не злилась, парень вызывает некое расположение: и своей приятной внешностью, и улыбчивостью – хоть мне и не понравился этот вывод) и протянул ладонь ко мне, как бы приглашая коснуться его. При этом взгляд заинтересованный.

– Я могу осмотреть тебя?

– Зачем?

– Ваш путь был слишком трудным. Возможно...

– Никаких возможно! – выдала я и скрестила руки на груди, показывая, что не поддамся на его улыбочки.

– Ничего не беспокоит, не болит? – опустил он свою ла-

донь и бросил взгляд на... Миори? Я даже слегка удивилась.

Миори улыбнулась ему в ответ. Причем улыбка вышла такая естественная, что у меня окончательно чуть дар речи не пропал. А Леора – та вообще попыталась меня пристыдить. Видите ли, я неуважительно разговариваю с врачом. И откуда я вообще такая дикая. Да, откуда я никто не знал, и как бы ни пытались выспросить, я молчала. Не хотела попасть в просяк – слишком мало узнала за этот год о местных народах, а те, кто жил на границе с пустошью кардинально отличались от меня внешностью. Да и с произношением у меня была беда бедой. В общем, всё указывало на то, что я неместная, но откуда именно – незачем было кому-либо знать.

– Эля, не упрямясь. У тебя наверняка руки болят. Да и кожа... – скосилась Леора на мои ладони, напоминая о раздражении на них из-за перчаток, которые мне пришлось слишком долго носить под палящим солнцем и при отсутствии достаточного количества воды. Ее взгляд также скользнул к моей шее, а рука коснулась ошейника, точно такого же, как у меня и у Миори...

И тут до меня, наконец, дошло, что казалось неестественным, что выбивалась из привычной картины – у Миори больше не было на шее атрибута невольницы. Я смотрела на ее худенькую смуглую шею, на которой остался лишь розоватый след, обернулась назад, убеждаясь, что кроме нее у всех остальных ошейники есть, и снова уставилась на подругу. Но Миори не могла прочитать моих мыслей и истолковала по-

своему. Она быстро достала из мешка лекаря какую-то баночку, скрутила крышку и протянула мне. Вроде сказала, что это мазь для моих рук, но я не уверена.

– Почему у тебя нет... ошейника? – перебила я ее.

Вокруг будто образовался вакуум, не пропускающий звуки, настолько тихо. Я видела растерянность на ее лице, видела, что она не знает какие слова подобрать, но не понимала, почему она всё еще молчит. Но у Миори нашелся тот, кто ответил за нее. Лекарь забрал баночку с мазью из ее рук и, взяв мою ладонь, положил на нее. На какой-то миг я почувствовала тепло чужого прикосновения, посмотрела в глаза лекаря и услышала:

– Миори ша-ахкая, ее никто не может сделать рабыней. Ее жизнь принадлежит только великому ша-ах над нашими головами.

– Ша-ахкая? – повторила я. – «Я знаю кто это», – подумала, вспомнив, что однажды мне уже довелось познакомиться с женщиной, забирающей чужую боль. – «Но почему не сказала? Они бы отпустили ее», – и произнесла то же самое вслух.

– Я знала, что за мной придут, и не хотела вас бросать.

– Знала? И что теперь? Нас отпустят?

Я всегда умела выбивать людей из колеи прямолинейностью, и сейчас видела тот же результат, что и всегда: растерянность, глазки забегали, ручки задрожали, слов подобрать не может.

– Рабынь не отпускают. Вы собственность Киреи. Мой брат доставит вас в Са-ах, – снова в разговор влез лекарь, хоть его и не просили.

– Твой брат? – спросила я, но ответ уже знала: брат лекаря кэя.

– Да. Законы Киреи справедливы. О вас сообщат вашим родным, они смогут выкупить каждую. Если откажутся, тогда торги.

«Торги. Вот значит, какую участь уготовила мне судьба. Я переживала, что Миори пострадает от рук того уроды, прячущего лицо, а могла попробовать сбежать. Я ради нее пошла с ним, раскрыла свой дар, лишившись единственного козыря, а она всё это время ждала подмогу в лице толпы мужиков и считала, что спасает нас? Меня так уж точно ее вариант помощи не устраивает!» – я зло сверлила взглядом девчонку, которую еще недавно считала ровней себе, а теперь узнаю и не от нее лично, что рабский ошейник ей надели по ошибке.

В тот момент я чувствовала столь сильную злость и обиду, и разочарование, что и не заметила, как спроецировала свои эмоции на лекаря, по глупости не отпустившего мою ладонь. Я поняла, что делаю, когда его пальцы сжались так крепко, что моя ладонь побелела, и, не задумываясь о последствиях, я резко изменила эмоциональный поток, внушая ему притяжение к себе, ложную любовь, вожделение.

Но что-то снова пошло не по плану.

«Услада моих глаз», – Арияр не лгал, он на самом деле любил всех женщин без разбору, и не важно, рабыня перед ним, или свободная. Привычная реакция его тоже не испугала, а слова: «Не бойтесь. Я лекарь», – сделали свое дело, женщины успокоились. В Киреи привыкли доверять лекарям, никто не ждал, что их может ждать опасность со стороны того, кто посвятил себя спасению чужих жизней. Арияр никогда и не использовал свои умения или статус во зло, но и отказать себе в такой малости, как позаигрывать, он не мог.

«Никогда не устану любоваться столь прекрасным зрелищем», – именно об этом подумал Арияр, скидывая мешок с плеча и показывая рабыням раскрытые ладони перед собой в знак мира.

Для него был естественен ход происходящего, он родился и вырос в народе, где рабство не считалось чем-то ужасным. Он не видел ничего предосудительного в том, что более сильные лишают свободы более слабых, но жизнь он любил. Наверное, поэтому избрал путь лекаря. А может, таким выбором хотел слегка насолить отцу за его холодность к своим детям.

«А вот и первая...» – улыбка на лице Арияра расширилась при виде выходящей из воды женщины – красивой женщины. Даже обидно, что столь прекрасная няйна, представи-

тельница не очень многочисленного народа у южных границ киреоров, славящихся ни только красотой своих женщин, но и своей неуступчивостью во многих вопросах, которые для других не являются проблемой, попала к работорговцам. Теперь ее участи не позавидуешь. Для нияны закрыли вход на земли ее народа, и в особенности в дом ее семьи – таковы их устои. Многие из ниян, осознав, что произошло, не могут смириться и пытаются себя убить. Арияр, вспомнив об этом, на миг растерялся, но женщина шла к нему на встречу уверенно и улыбаясь, ее красивые бедра плавно двигались в такт каждому шагу, мокрая ткань облепила тело, выставляя напоказ упругую пышную грудь, узкую талию. И он никогда не умел скрывать своего интереса и с жадностью двигался взглядом по женскому телу, дольше всего засмотревшись на длинные ноги, пока нияна не оказалась в шаге от него.

Арияр едва справился с комом в горле и вспомнил, что он всё же в первую очередь лекарь, а женщина перед ним, как бы ни была соблазнительна, перенесла слишком многое и ей необходима его помощь. Он мог предложить помощь и раньше, но брат считал, что лучше подождать день, дать рабыням возможность свыкнуться с присутствием дагалов, а уже в лаахо, если, конечно, никто сильно не пострадал, лекарь должен проявить заботу. Позже, когда женщины немного успокоятся, их обо всем расспросят.

Вот только Арияр толком и не успел побеседовать с нияной, как к ним подошла другая рабыня – и на этот раз лекарь

почувствовал себя не в своей стихии, но не показал этого.

– Я могу осмотреть тебя? – спросил он женщину, рассматривая ее.

– Зачем? – впервые на его вопрос прозвучал столь странный ответ, так еще и с такой интонацией в голосе, будто его хотят ледяной водой окатить.

Взгляд, выражение лица, поза – в рабыне каждая мелочь говорила лишь об одном, о недоверии к нему. К нему! К тому, кто уж точно не причинит ей вреда, если только не придется защищаться. Подобные мысли даже слегка позабавили.

Но всё пошло наперекосяк еще до того, как он понял, почему чувствовал себя неуверенно рядом с ней.

Вначале с толку сбил ее разговор с Миори и ее реакция на то, что его подруга свободная женщина, в отличие от нее и остальных. Рабыня была будто бы возмущена реальностью, о которой знал каждый. Он даже подумал: «Откуда она такая?» – и хотел спросить об этом. Не успел. Его мир перевернулся с ног на голову. Еще мгновение назад он был хозяином своих эмоций и мыслей, а теперь потерял контроль. Он и не заметил, что чувствует то, чего не должен. Злость, обида, даже ненависть. К кому-то конкретно или к миру в целом? А затем всепоглощающая эйфория. Он никогда не испытывал ничего подобного ни к одной из женщин. Водоворот из страсти и благоговения. Сумбур. Хаос.

Мужчину оторвали силой от рабыни. На груди жгло так,

словно калёным железом прижгли. Он схватился за спрятанный под одеждой амулет и не мог отдышаться, а рядом стояла Миори. В ее черных родных глазах искрилась тревога, а в голове стоял взгляд глаз, похожих на беснующееся небо.

– Дар аданов, – прошептала Миори и, схватив Арияра за свободно повисшую руку, притянула его к себе. Даже если бы он начал сопротивляться, она не позволила бы другу попасть под власть адания-шая.

– Отпусти меня, – прошептал Арияр.

– Ни за что.

На самом деле он даже не пытался вырваться или оттолкнуть Миори от себя, а наоборот, он прижался к ней как можно крепче и опустил свой лоб на ее макушку, вдыхая знакомый аромат камфары и мяты, пропитавший ее вещи и волосы, и кожу.

Рабыни не вмешивались. Все наблюдали с неприкрытым любопытством за разыгравшейся перед ними сценой.

– Всё хорошо, – выпрямился Арияр, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, прогоняя прочь остатки наваждения.

– Уверен?

– Да, – он улыбнулся и погладил свою спасительницу по щеке, за что тут же схлопотал в плечо кулаком. – Ай! За что?

– Глупец!

Миори хмурилась, недовольная поведением друга. Он ведь знал, кто перед ним, но повел себя опрометчиво.

– Я знаю, – Арияр улыбнулся, мягко высвободился из де-

вичьих рук и шагнул к рабыне; он был готов – так он думал.

– Не смей меня контролировать, – произнес лекарь, не очень громко, но жестко.

– И что ты сделаешь? Ударить, как это сделал ваш кэя? Или свяжешь?

Арияр на мгновение задумался, но всего на мгновение, и ответил:

– Тебя не вернут родным ни за какую сумму. Никто не сможет тебя выкупить.

Женщина удивилась, а Арияр продолжил, хотя сам от себя подобного не ожидал:

– Если не хочешь остаток жизни прожить рабыней, не используй свой дар против меня. Иначе платой будет твоя же жизнь. Я смогу сопротивляться, как бы трудно мне не пришлось, но и не захочу тебя отпускать.

Если бы в этот момент его видел отец, он, наверное, бы гордился им; если бы увидел Дэмиан, наверное, был бы сильно удивлен произошедшим в нем переменами. Арияр уже знал, что вряд ли захочет отпустить ее – женщину, которая принесет ему боль.

Он справился с желанием прикоснуться к рабыне и пошел к другим, чтобы помочь им и забыться самому.

Глава 6

Неприятности никогда не ходят поодиночке – так говорят. Новая неприятность поджидала дагалов уже на рассвете нового дня, когда они собирались покинуть ла-ахо и отправиться в дальнейший путь – пустошь накрыла пыльная буря. Ша-ах скрыло плотной темной завесой. Мощные порывы ветра подхватывали всё, что не имело сил им сопротивляться, возносили к небу и швыряли о землю. Снаружи не было возможности не только идти или стоять, но и дышать. Такие бури редкость, но в мертвых землях они опаснее, чем за высокими каменными стенами таху, и их стоило опасаться, и кэя благодарил хранящих его богов и присматривающих за ним ушедших в мир бестелесных теней предков – они уберегли и его самого, и его людей. В прошлый раз подобная буря унесла жизни двух дагалов – это произошло почти четыре полных круговорота Тэнэкии вокруг ша-ах, он едва не потерял Арияра, но так и не смог уговорить его не ходить с дагалами вглубь мертвых земель Адании. Его слишком уж тянуло туда, куда запрещено.

Кэя стоял неподалеку от выхода из ла-ахо, мелкие крупинцы долетали до него и ощутимо кололи кожу, одежда и волосы покрылись светлым слоем земляной пыли, шум приглушал все звуки позади него, но приглушить мысли не получалось. Его беспокоило слишком многое. И было ощущение

ние, что причин для беспокойства становилось всё больше и больше. То рабыня с редким даром, то мысли о том, кто же мог сопровождать наемников, теперь еще и Арияр ведет себя, как капризный ребенок, а не взрослый мужчина. А его самого настигли воспоминания давно забытого прошлого: о маленькой беззащитной девочке, которую не смог убедить.

Вот за какие такие дела ему воздается темной стороной?

Вчера ночью он увидел, как Арияр поднялся со своего места и пошел в пещеру с озером. Все уже давно спали. Он толком ни о чем и не подумал тогда. Мало ли что? Может брату не спится, и он решил искупаться или поговорить с Миори, ночующей с женщинами. Или поглазеть на спящих рабынь, которых всегда оставляли на ночь около воды – оставляли не ради их удобства, а потому что из пещеры с озером не было выхода наружу. Кэя тогда даже ухмыльнулся и перевернулся на другой бок. Но кое-что не давало и ему уснуть, нечеткие образы, мелькающие на задворках сознания и всё никак не проявляющиеся. Как противное жужжание насекомого над ухом. Хочется отмахнуться, но отмахиваться не от кого. Он знал, кого прячет сам от себя, но хотел верить, что это не она.

Кэя устал сопротивляться и сел. Равномерное дыхание, тихое посвистывание, шепот, переговаривающихся дозорных – всё спокойно. Но этот покой тревожил, и он встал. Осмотрелся и пошел за Арияром.

Он был готов увидеть что угодно: как брат плещется в озе-

ре, тревожа сон рабынь, как болтает с Миори, или возможно кому-то нужна его помощь, чтобы сменить повязку или принять одну из его едких на вкус настоек, от которых Дэмияна вечно мутило только от одного их вида. Но он увидел совершенно иное.

Арияр сидел на корточках около озера, а рядом с ним была та самая рабыня, что стала основной проблемой кэя. Они молчали. Смотрели друг на друга и будто сражались. Ладонь Арияра была скрыта под подолом платья рабыни, задранного чуть выше колен, а второй рукой он удерживал обе ее руки у нее за спиной.

Дэмиян не ожидал подобного, а от брата и подавно. Но возможно, он бы ушел, не вмешавшись, если бы... если бы Арияр выбрал кого угодно, кроме нее. Поэтому он, не задумываясь, пересёк пещеру, мельком скользнул взглядом по рабыне и, схватив Арияра за воротник рубашки, дернул его вверх, заставив не только подскочить, но и отпустить женщину.

– Щенок! – не сдержался он и потянул брата за собой. Но лекарь, впрочем, и не сопротивлялся.

Два дня в подземном раю! Нас неплохо кормили, я бы даже сказала – откармливали, будто на убой; переодели в более подходящие (на взгляд местных мужланов) тряпки (се-

рое, как шерсть у мыши, платье в пол, без рукавов и с разрезами по бокам, достигающими середины бедра), оставили нам лишь обувь за неимением другой. Я когда увидела ворох одежды, брошенной к нашим ногам одним из дагалов, обрадовалась, но разобравшись в том, что именно придется на себя натянуть и в чем идти дальше, радость, как ветром сдуло. Представьте себе пеший поход в платье. Могли бы лучше штанов припасти. Почему-то для Миори нашелся комплект со штанами, она спокойно разгуливает в мужской одежде, и никто не заставляет ее переодеваться. Но нет! Видать, не положено несвободным женщинам в штанах разгуливать. Однако другого выбора не осталось – пришлось переодеваться в то, что дают. Остатки нашей одежды сожгли. Наверное, боялись, что она нам каким-то образом поможет сбежать, али чуму какую подхватят. Вот точно, что полудурки! И меня никто не разубедит.

Но если постараться не думать о об этих самых «полудурках», то жизнь казалась не совсем уж и поганой, особенно после пережитого. А озеро с чистойшей и не ледяной водой приносило удовольствие вдвойне. Но оставлять нас здесь никто не планировал, и отпускать тоже, о чем нам и сообщили накануне вечером.

«Однако мы предполагаем, а жизнь располагает» – так вроде говорят?

К утру разбушевался ураган. Да такой, что выход из нашей пещеры прилично замело пылью пересохшей почвы и

сухой растительностью. Ветер не стихал, и к полудню (если не сбилась с подсчета времени) я начала побаиваться, а не занесет ли нас тут с концами и не погребёт ли под землей? И соседство с мужиками меня уже не так уж и сильно волновало, даже их прибавление в количестве – ночью принесло еще пятерых, если я, конечно, со счета не сбилась.

Но один из вновь прибывших всё же заставлял нервничать, и как подсказывало мне мое женское чутье, а оно не ошиблось, надо было держать ушки на мокушке. Если б только знала, что окажусь права, да еще как, то держала бы всю себя на макушке, а не одни уши.

Его интерес к нам был слишком откровенен. Нет, на нас все смотрели, кто-то даже открыто пялился и едва ли не слюни на пол пускал, кто-то пытался неуклюже заигрывать, видать, надеялись на халявную ласку. Но этот... этот будто что-то замышлял в своей стрёмненькой черепушке. И знаете, такой противненький, худющий, сутулый, и разговаривает, словно змея шипит. На вид, так ему лет двадцать по привычным для меня меркам.

А окончательно убедилась я в интересе малолетнего проходимца, точнее убедилась в том, что он слишком уж рьяно пытается быть ближе к нам, когда доедала поздний ужин, сидя около озера. Большинство девчонок уже укладывались спать. Свет в лампах постепенно затухал. Леора уснула буквально недавно, а рядом с ней Миори.

Я тоже собиралась скорее доесть последний кусок лепеш-

ки и улечься. Но когда поднялась на ноги и стряхивала крошки с платья, глянула на темнеющий проход между пещерами, а там мелькнул силуэт. Вначале не заинтересовалась. Ну, наблюдает за нами один из дагалов. Может, сам кэя соизволил полюбоваться своими пленницами. Или лекарь не выдержал долгого расставания со мной. Я вроде даже улыбнулась своим предположениям и намеренно медленно двинулась через всю пещеру к месту ночлега. Оглянулась будто бы невзначай и разочарованно вздохнула – из темноты выглянула сутулая фигурка новенького. Мы столкнулись взглядами, и он ретиво так спрятался в темноте.

– Любопытный, гадёныш, – прошептала я и улеглась спать.

Но вот неприятное ощущение, когда тебе сверлят взглядом затылок, возникло сразу, как я легла. Долго такое не выдержишь. Я обернулась и снова увидела пацана. Теперь была уверена, что наблюдал он всё это время не абы за кем, а именно за мной, или, возможно, за Леорой или Миори.

Я отвернулась, обдумывая, как поступить. И решила пойти поговорить с ним, а если окажется слишком наглым, то пойду напрямиком к кэя, пусть разберется со своим подчиненным. Не бдеть же всю ночь ни смыкая глаз. Мне и лекаря с его выбрыками хватает – вспомнила я о прошлой ночи.

Арияр, если честно, удивил. Что-то помогает ему сопротивляться моей силе, но это что-то не обеспечивает сто процентной защиты. Я чувствовала некую преграду, которую

пыталась разрушить. Чувствовала, что парень колеблется. И его внезапный ночной приход, его упрямство, его желание заполучить меня сию секунду, но не попасть под мой контроль – это было что-то новенькое. Как, впрочем, и кэя с его противостоянием мне. Два мужчины – два новых для меня опыта. Не была бы ужасна сама ситуация моего положения, я бы была заинтригована и возможно даже увлеклась бы кем-то из них... или обоими.

Глянув в последний раз на прячущегося в темноте мальчишку, я поднялась и пошла к нему. Он предсказуемо нырнул в проход. Или затаился, или сбежал. Но я пошла до конца: разобраться с юнцом надо сейчас. Шагнула в темноту и остановилась, позволяя глазам привыкнуть.

Вообще, ночь или темные помещения меня никогда не пугали, есть даже не самый приятный опыт проживания в заброшенном здании – по молодости я много чего испытала. Но все-таки последний год дал фору всему, что я когда-либо пережила.

Я глубоко вдохнула, сжала кулаки и пошла вперед. Излишняя уверенность или надуманная храбрость – не всегда хороший союзник. Меня могла поджидать опасность в узком, темном и делающем резкий изгиб в сторону туннеле, соединяющем две пещеры. Но я или устала, или понадеялась на свою способность подчинять человека своим эмоциям, позабыв, что уже как минимум двое могут сопротивляться. Так почему бы и третьему не иметь устойчивость к мое-

му дару? Мальчишка мог быть точно таким же, как кэя или лекарь.

Важная мысль пришла как-то уж запоздало. Я будто бы дернулась от осознания, как глупо себя веду, и оступилась, споткнувшись о неровность пола. Выставив ладони перед собой, в надежде, что упрусь в стену, я на самом деле во что-то уперлась. Секунду даже верила, что передо мной стена.

– Ай! – отшатнулась назад и потеряла левое запястье. Снова протянула вперед руки, ощупывая преграду, дабы разобраться в какую сторону повернуть. Но меня ждало второе потрясение: вместо камня я нащупала ткань. – Эм, не стена, – зачем-то промямлила я вслух.

«Стена» же в ответ что-то там рыкнула, схватила меня за плечи и жестко припечатала к ... настоящей стенке. Мамочки родненькая, я едва заикой не стала. На всё про всё ушло не больше нескольких секунд, но страху я натерпелась выше крыши.

– Эй! – рявкнула я на того, кого еще пока не видела из-за кромешной темноты. – Эй, – повторила я менее агрессивно, пытаясь разобрать, на кого конкретно наткнулась в темноте. – Руки не распускай.

– Куда собралась?

– Погулять, – съехидничала я, но тут же заткнулась, догадавшись, что столкнулась с самым худшим из вариантов – кэя. Этот если руки и распускает, то потом звездочки считаешь, и явно не блаженство тому причиной.

– И далеко?

– Найти кое-кого.

Странно, но на мое заявление вначале прозвучало какое-то уж непонятное бурчание и только после нормальные слова:

– Не Арияра случаем потеряла?

– Не его! – и дернулась, напомнив, что меня все еще удерживают силой около стены, а она не самая удобная поверхность. Но добилась противоположного – мои плечи лишь сильнее сжали, вдавливая меня в грубый камень. – Отпусти. Больно, – цедила я сквозь зубы, сдерживая стон.

В ответ прозвучала тишина. И я тоже затихла. Меня еще какое-то время так и удерживали на месте, но все-таки отпустили. Вернее, я на миг решила, что избавилась от хватких пальцев кэя, как ... скорее почувствовала, а не увидела, что он развернулся, и я оказалась за его спиной. Его ладонь коснулась моего бедра, но тут же исчезла, а еще через мгновение, я толком и подумать ни о чем не успела, раздался вскрик, перешедший в хрипение. Перед лицом лишь воздух завибрировал от чьих-то движений, подымая пыль с пола. Я машинально прикрыла лицо и сжалась, даже сползла по стенке на корточки. От происходящего вблизи от меня, в погруженном в кромешную темноту ограниченном пространстве, кто-то кого-то мутузил. Или судя по звукам кого-то душили, причем долго и мучительно, но не позволяя умереть.

И вновь глухая и непробиваемая тишина. Казалось, буд-

то из пещеры вытянули все звуки или я оглохла. Я испуганно прижала ладони к ушам и тут же отпустила, проверяя себя. Первыми звуками, ворвавшимся в тишину, было мое сердцебиение или, что более вероятно, я его придумала, ведь по факту звук собственного сердца мы крайне редко можем услышать, для этого как минимум нужен ... как его там? Стетоскоп? Второй звук – едва различимый стон. Или и он мне послышался от страха.

Я сглотнула слюну, горло сжимало. Я чувствовала, как меня сушит из-за нервного напряжения. Протянула одну руку вперед, сама не зная куда именно и, сжав пальцы, поймала пустоту. А пустоту вообще можно поймать? Наверное, да, если тебе страшно – очень страшно.

– Кэя...? – прошептала я, силясь выдать из себя еще хоть слово.

И мне ответили. Боже, какое облегчение!

– С тобой всё нормально?

– Со мной? – удивилась я наиглупейшему вопросу в данной ситуации. Ведь били или душили (что бы там не происходило) не меня. Я всего-то сидела у стеночки, испуганно дожидаясь развязки.

– Он не задел тебя? Нет ран?

– Кто он?

Кэя что-то прорычал в характерной только для него манере, слов я не поняла, но судя по интонации, он кого-то словесно обматюкал. Зазвучал шорох ткани или чего-то тяже-

ловесного, я представила, что или кэя встает на ноги, или кого-то подымает. И практически угадала. А глаза, более-менее освоившиеся с темнотой, уже различали некие образы, подсказывающие, что большая фигура у противоположной стены – это кэя Дэмьян. И он кого-то держит, вроде за грудки, но этот кто-то и не сопротивляется, он был похож на вялую тушку или мешок с костями.

«С костями?!» – мысль подогнала другую. – «Так это что, щенок напал на своего жоака?» – да, интересное представление разыграли. Даже жаль, что не увидела всего действия.

– Сейчас разберемся, – пробубнил кэя и тут же осел на пол.

Я офигевше смотрела на неподдающего признаков жизни предводителя наших похитителей и не верила своим глазам.

– Кэя? – прошептала я тихонько и, не дождавшись ответа, приблизилась к нему, пихнула носком туфли, куда попала не имею не малейшего представления, но моей наглости не заметили. – Мать моя женщина! – и бросилась искать их дурного на всю голову лекаря.

Натерпелась же я страху, когда главаря едва не уколошили. И всего-то ткнули ножичком в бочину разок. Он, наверное, пока душил малолетнего убийцу и не почувствовал того укола. Но боги этого мира сжалились над своим дитятей и позволили Арияру распознать яд, попавший в кровь его кэя с отравленного ножа. У меня аж от сердца отлегло, когда нам сообщили, что он выкарабкается.

Дура! Надо было воспользоваться общим замешательством и сбежать. Однако меня что-то удержало. Хотя чего я выдумываю. Глупейшая признательность за спасение моей шкурки меня же и подвела. Вроде как второй раз меня спасает этот дикарь. У него, правда, свои понятия о спасение. И мы всё никак не сойдемся во мнение. Но сегодняшний инцидент – более веская причина быть благодарной. Еще бы понять, зачем и кому понадобилось подсылать ко мне убийцу? А может, он не за мной пришел? Тогда за кем? Кто из девчонок в опасности?

Я перебирала в голове всё, что слышала от своих попутчиц в этом нелегком пути, но ни одна из историй не давала подсказок.

Пока обмозговывала произошедшее, не заметила, что уснула. Так еще и где! Рядышком с горе-спасителем. Как сидела около него, прислонившись к стене, так и задремала. А проснулась из-за того что кто-то положил мне на колено руку. Я дернулась и сразу открыла глаза. Сон всё еще владел мной, поэтому долго соображала, где нахожусь, кто рядом и что вообще происходит. Осмотрелась: кэя лежал на спине, запрокинув руку назад, поэтому она оказалась у меня на колене, по другую сторону от него спал лекарь, причем в том же положении, что и я, сидя. Остальные дагалы кто спал, кто сидел около выхода и клевал носом. Только трое бодрствовали: двое, видимо, были караульными, а один следил за пацаном, покусившимся на их предводителя.

Я проснулась окончательно. Сбросила мужскую лапу с себя и поднялась. Спину ломило. Кэя пошевелился – я увидела, как он сжал руку в кулак. Поднялась взглядом к его лицу и застыла – он не просто пошевелился, а очнулся. Взгляд излучающий и спокойный, будто забыл что с ним произошло или ему до такой степени привычно оказываться на краю между смертью и жизнью, что уже перестал удивляться.

Мы смотрели друг на друга. Молча. Выжидающе. Но мне надоело и молчать, и в гляделки играть. Собралась уйти. «Если надо, утром поговорим», – так я подумала, но он решил иначе, и мою щиколотку резко обхватили. Я обернулась, собираясь высказаться и как можно жестче, но не смогла и рта раскрыть.

Тепло окутало кожу там, где ее касалась его рука. Тепло, словно нити ползло по мне вверх. Меня убаюкивало покоем. Я смотрела в черные зрачки и погружалась в согревающий кокон. Последнее, что потом могла вспомнить – как меня подхватили на руки, и я моментально провалилась в глубокий сон.

«...проживания в заброшенном здании» – отсылка ко второй книге.

Глава 7

«Это что еще за новость?» – удивленно взирала я на свою руку, привязанную к чужой широкой лентой – к огромной мужской ладони, с грубой кожей, покрытой следами от старых мозолей и черными волосками на тыльной стороне пальцев. Я только проснулась. Воспоминания ушедшего дня и особенно ночи всё еще выглядели туманными, а под натиском увиденного и вовсе собирались исчезнуть, как не очень-то уже и важные. Кэя приспокойненько себе дрых. Он даже не пошевелился, когда я дернула его, подымая свою руку и рассматривая ленту, связывающую нас.

– Ах ты ж, зараза, – прошипела я зло и, усевшись, снова дернула за руку возомнившего невесть что о себе нахала.

В ответ на мое «беспокойство» он лишь что-то невнятное пробурчал, нахмурился и запрокинул руку себе за голову, да с такой силой это сделал, что я не удержалась и шмякнулась прямиком на него, распластавшись на мужской груди. На меня тут же уставились два черных недовольных глаза. Я попыталась приподняться или хотя бы выпрямиться, но задранная над головой рука мешала оторваться от рассматривающего меня в упор бородатого хама.

– Отпусти, – зашипела я ему прямо в лицо, – двуногая ты обезьяна.

– Что ты сказала?

– Идиот, ... – шипела я дальше на языке, которого он, конечно же, не понимал. Но я так была возмущена, и зла, и чувствовала себя незащищенной, что просто не хватало сил на рациональное поведение.

– Повтори еще раз и так, что бы я тебя понимал, – прошептал он в ответ на мое злобное шипение.

И я заткнулась!

Да, да, заткнулась – иначе и не выразишься. А кто бы не заткнулся на моем месте, когда с тобой говорят спокойно-угрожающим тоном, при этом лицо говорящего в паре-тройке сантиметров от твоего, в глазах непроглядная тьма, а каждая твоя попытка освободиться, пускай и самая крохотная, прерывается еще и не начавшись. Одна моя рука и так была мне сейчас не помощницей, так ее еще и сжали в районе запястья, обхватив поверх ленты, вторую руку прижали к груди, накрыв мою ладонь своей – я буквально была приклеена к чужому телу.

– Молчишь?

Да, я молчала. Да, мне даже дышать перехотелось – я чувствовала, как вместе с кислородом вдыхаю его дыхание. И лучше бы меня вывернуло наизнанку, может, тогда бы он, прежде чем меня привязывать к себе, несколько раз бы хорошенько подумал. С другой стороны, если бы я проблевалась прямо ему на лицо, то одной оплеухой, наверное, я бы не отделалась.

Я вздрогнула, когда вспомнила день нашего так называе-

мого знакомства, а он нахмурился и, отпустив мою ладонь, схватил за волосы и резким движением оттянул мою голову назад.

– Ай! – не сказать что больно, но неожиданно это уж точно. – Ты совсем с ... – и я снова замолчала.

Впервые я заметила на себе такой взгляд – другой, непривычный. Раньше, если он и смотрел на меня, то всегда с каким-то непроницаемым равнодушием, словно я пыль у него под ногами, или с недовольством, злостью, раздражением. Иногда с долей интереса, как на неведомую зверушку, но чаще всего его взгляд снова становился прежним, и я отмахивалась от своих наблюдений так, будто мне померещилось. Сейчас же мне явно не мерещилось. Ну, если забыть о вспыхнувших мелких звездочках перед глазами, когда мои волосы сжали еще сильнее, натянув кожу уже ни так уж и не больно.

«Боги всех миров, уберегите», – мысли разбежались в голове, вытолкав вперед дергающее чувство беспокойства. Я вроде даже затаила дыхание под его взглядом. Казалось, стоит пошевелиться и меня поглотит тьма демонских глаз. Меня окружали запахи чужого тела, кожу обдавало теплым дыханием, а под ладонью отчетливо ощущалось биение сердца.

– Кхм! Дэмиан, вам не мешать? – раздалось где-то над нами, и этот кто-то был явно доволен увиденным, а еще и смел потешаться.

– Я еще не решил.

И я поверила его словам – он на самом деле еще не решил.

Только что именно должно решиться?

Меня отпустили, усадили прямиком на голый пол, развязали ленту и, не сказав ни слова, оставили одну. То есть одной меня, само собой, не оставили – в пещере было полно дагалов, но их глава ушел. Жаль, что недалеко.

Я провожала фигуру кэя, сверля взглядом его спину. Потирала запястье и злилась. Да, я злилась! А что мне еще оставалось? Не истерику же закатывать.

– Кхм, – прозвучало повторно где-то сверху, и я задрала голову, глянуть, кого же все-таки принесло мне в спасители. – Помочь? – бугай (кажется, его все звали Бэгур) возвышался надо мной массивной горой и протягивал свою медвежью лапку, предлагая воспользоваться ею, дабы поднять свое тельце с земли.

Я отмахнулась от него и, скорее всего, скорчила самую непривлекательную морю, но он лишь улыбнулся на мое поведение. Он вообще довольно простоват для своей роли – правая рука кэя, если я не ошиблась в своих наблюдениях. Но зато этот увалень настолько силен, что отряд дагалов без него бы не выглядел так устрашающе – это мое личное мнение. А нагоняющий на всех страх (или уважение, кому как) кэя не в счет.

Поправив платье и отряхнув с подола пыль (бессмысленное занятие), я еще раз осмотрела запястье, убеждаясь, что кожу не натерло сильнее, чем уже было до этого. Мысленно порадовалась, что руки вскоре начнут заживать. Но тут же

вспомнила о кэя, услышав его голос, обращенный к кому-то из подчиненных, и посмотрела на него. От одного вида этого демона ночи хотелось скрежетать зубами. От одной только мысли о нем хотелось разнести всё вокруг в пух и прах и похоронить его под завалом!

– Спасибо.

Я неожиданно даже для себя вздрогнула и медленно повернула голову в сторону Бэгура. Бугай улыбнулся, расправил плечи, будто только что с них что-то увесистое свалилось, и, не дождавшись от меня ответа, кивнул в сторону своего ненаглядного начальника.

– За Дэмияна спасибо.

– За Дэмияна? – переспросила я ошарашено, совершенно не въезжая в смысл его благодарности.

– Ты могла бы бросить его в туннеле.

– И что?

– Яд бы его убил.

Я глянула на стоявшего у противоположной стены кэя, подмечая, что его слегка клонит в правый бок, а ведь изначально я этого не заметила. Он вел себя, как и прежде: разговаривал тихо, но слышали его все, ни одного лишнего движения, ни намека на то, что ему больно или некомфортно. Только тугая повязка, стягивающая ребра, напоминала о ранении.

– Не преувеличивай. Такого..., – хотела я добавить какую-нибудь гадость, но передумала, – какой-то там яд не

убьет.

– Думай, как хочешь. Но я признателен.

Мы переглянулись и одновременно снова уставились на причину нашего разговора. Мне не очень нравилось то, что я вроде как неосознанно спасла врага, так мне еще и спасибо за это говорят. Вот если бы свободу подарили – другое дело. Но жить иллюзиями я не привыкла.

– Он тоже признателен, хоть и не скажет этого.

Я ухмыльнулась наивности милахи-бугая.

– Признателен? Что-то не видно. Я не против – пусть молчит. Но мог бы и освободить.

На меня как-то странно глянули, будто ляпнула невесть что, но ответить он не успел, если, конечно, собирался отвечать. Помешала Миори.

– Дэмиан принял лекарства? – спросила она дагала, но косилась на меня.

Так и хотелось что-нибудь ляпнуть. Надоело мне ее любопытство.

– Собираемся! – раздался приказ кэя.

– Уже? – опешила я.

Но мне уже никто не ответил.

Вокруг началась суматоха. Точнее не суматоха, а активные сборы. Мужчины сворачивали свои подстилки для сна, собирали походные мешки и сумки, проверяли оружие. А я как стояла столбом, так и стояла. Пока меня не окликнули:

– Чего замерла? Иди к женщинам, – кивнул головой в сто-

рону прохода в соседнюю пещеру мой любезный спаситель, а я вспомнила о словах его помощничка и хмыкнула.

Мы обменялись недовольными взглядами, я мысленно послала его на хутор бабочек ловить, он, наверное, тоже не ласковыми мыслями меня обласкал, и разошлись.

Но не успела я и нескольких шагов сделать, как услышала позади чей-то возглас, но слов не разобрала. Развернулась и увидела, как ночного непутевого убийцу прижали к стене. Кэя буквально одной рукой вдавил его в камень, обхватив за шею. Парень трепыхался, царапал руку кэя ногтями, стараясь оторвать ее от своей тощей шеи. У меня от увиденного аж горло сдавило, будто это меня душили. Никто даже не попытался остановить своего предводителя, они молча ждали, пока тот сам не отпустит свою жертву. И он отпустил, но было уже поздно. Паренёк свалился на землю безжизненной грудой костей под тонкой оболочкой из мяса и кожи, глаза едва ли не выкатились из орбит, язык вывалился. Ужасное зрелище.

Я медленно отвела взгляд от тела, в котором еще несколькими мгновениями назад стучало живое сердце, и посмотрела на демона, убившего его. Демон смотрел на меня, сжимая в руке что-то очень тонкое, длинное и блестящее, похожее на огромную иглу для шитья.

– Брат?! – вскочил на ноги Арияр, когда, разбуженный посторонним вмешательством в его сон, он открыл глаза и увидел, как Дэмения, шатаясь, стоит над ним и поддерживает за плечи рабыню.

– Найди ленту, – прошептал кэя и осторожно уложил женщину на свою подстилку для сна.

– Зачем? Что произошло?

– Ничего. Найди ленту и подлиней.

Арияр достал из своего мешка рулон тонкой ленты, которую использовал для фиксации при переломах и вывихах, и протянул ее Дэмияну.

– Найди мне, на чем можно спать.

– Так у тебя же своя... – хотел сказать он о подстилке, но вовремя догадался, что рабыню Дэмиян оставит рядом. – Зачем она тебе здесь?

– Мне так спокойней, – прошептал устало кэя и присел рядом со спящей женщиной.

Сил у него было еще мало, но оставлять без присмотра ту, что вроде как помогла ему, но при этом именно она же и может быть причиной прихода наемника, он не хотел. Разбираться с нападавшим он тоже пока не планировал. Единственное, что ему было сейчас необходимо – крепкий сон.

Арияр предложил свою подстилку, тот молча принял. Но

младшего молчание не устраивало. Тем более что брат вознамерился отобрать у него женщину, которую он подумывал оставить себе.

– Тебе необходим покой. Я останусь с ней, если ты считаешь...

– Нет, – ответил кэя, завязывая замысловатый узел на запястье рабыни.

– Да ты издеваешься! – не смог совладать с эмоциями Арияр.

– Не истери, – второй конец ленты был отрезан от рулона и завязан точно таким же узлом уже на его собственном запястье. Только после всех проделанных манипуляций старший удостоил младшего своим вниманием. – Тебе не справиться с ней, я уже говорил.

– И нет смысла повторять, – сверлил Арияр Дэмиана злобым взглядом. – Но я тоже говорил, что не уступлю.

– Не уступишь? Кому? Себе? Или... мне?

Арияр на миг остолбенел, затем посмотрел на спящую рабыню и снова перевел взгляд на брата.

– Ты хочешь ее ... выкупить?

– Если ты принудишь меня, то я сделаю это.

– У нее есть родные.

– Но тебя же это не останавливает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.